

***TERTIA VIGILIA. ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ФИНЛЯНДИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ****
*TERTIA VIGILLA. ON STUDYING THE HISTORY OF FINLAND
IN CONTEMPORARY RUSSIA*

В России интерес к Финляндии имеет давнюю традицию, первые разрозненные сведения об этом крае можно найти уже в русской литературе и публицистике XVIII века. Однако в них Финляндия ещё не являлась предметом самостоятельного исследования, а рассматривалась в контексте русско-шведских отношений, что вполне соответствовало её геополитическому статусу. Собственно Финляндией в России начинают интересоваться в XIX веке, когда она становится составной частью Российской империи. Правда, всегда на первом месте стояла не сама история финского народа, а взаимоотношения России с соседней страной — сначала со Швецией, затем с Финляндией. Отношения эти интерпретировались российскими исследователями весьма разнообразно, трансформируясь порой под влиянием внешних социально-политических обстоятельств в интерпретацию и репрезентацию российско/советско-финляндских конфликтов.

Впрочем, финляндский контекст продолжавшихся почти шесть веков русско-шведских войн, к которым исследователи обращались чаще всего, в большинстве работ обозначался лишь пунктиром. Отечественные авторы вспоминали о нём, как правило, лишь тогда, когда появлялась насущная потребность (социальный, политический заказ) опровергнуть те или иные оценки западной историографии, которые воспринимались как противоречащие национальным интересам. Если такой необходимости не было или событие было слишком далеко удалено по времени, о Финляндии ничего не писали или упоминали вскользь.

Например, специальные исследования о русско-шведских войнах XV–XVI вв. в отечественной историографии практически отсутствуют. Их вспоминают лишь в контексте более важных для России событий — таких, например, как Ливонская война. То, что в финской историографии именуется *Suuri Venäjän sota 1555–1557* (Великая российская война), в отечественных исторических работах, если и упоминается, то лишь как прелюдия к Ливонской войне. При этом о Финляндии, для которой эта война — что видно уже из её названия — была весьма значимой, как правило, не упоминается вовсе. Или с ошибками: П. Майков, например,

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН.

«великой русской войной» называет войну 1495–1497 гг.¹, хотя в финляндской историографии её вспоминают как *Vanha viha* — «Старую вражду».

То же самое можно сказать и о том, что в финляндской историографии именуется *Isoviha* (Великая вражда, или Великое лихолетье) — страшный период оккупации Финляндии русскими войсками в 1714–1721 гг. в период Великой Северной войны. Российская историография занималась этим очень мало, гораздо важнее были сражения на фронтах и последствия войны. Немногочисленные обращения отечественных историков к тому, что происходило в Финляндии, можно назвать вынужденными — все они, как правило, были реакцией на освещение событий в финляндской историографии и опровержением этих трактовок. Отрицание и оправдание жестокостей оккупации мы видим и в дореволюционной (П. Майков, М. Бородкин), и в советской (И. Шаскольский, Ю. Беспятых) историографии, и в постсоветской исторической прозе (А. Широкоград, А. Шкваров)².

Подобное «вынужденное» обращение к истории соседней страны имело порой, как ни странно, и положительный эффект. На рубеже XIX–XX веков был сделан существенный прорыв в изучении истории Финляндии, когда на фоне разрастающегося т. н. финляндского вопроса и в ответ на попытки финляндских публицистов, историков и юристов защитить автономные права княжества в России появляется огромное количество трудов, посвящённых не только современному состоянию этой имперской окраины, но и её истории. За период с 1890 по 1914 г. в стране было издано свыше 300 книг и брошюр, посвящённых Финляндии. В основе большинства из них лежал гранд-нарратив «покорения Финляндии», сформулированный Кесарем Ординым в 1889 г.³, который и сегодня зачастую воспроизводится современными авторами без каких-либо изменений. Финляндский вопрос был проблемой политической, выходившей за рамки академических дебатов, поэтому занимались им не профессиональные историки, а политические деятели, военные, юристы, публицисты. Но их стараниями были написаны и обширные исторические очерки, до сих пор никем не превзойдённые по объёму информации и потому востребованные и современными авторами, не владеющими финским языком.

¹ Майков П. М. Финляндия, ее прошедшее и настоящее. СПб., 1911. С. 47.

² Исключением из правил выглядит статья В. Возрина: Возрин В. Е. Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2005. С. 214–230. URL: http://novist.history.spbu.ru/sborniki_02_2005.html (08.12.2020).

³ Ордин К. Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. СПб., 1889. Т. 1–2.

О возникновении в России самостоятельной научной дисциплины по финляндской истории (исторической финнистики) всё же правомерно говорить лишь применительно к советскому времени. В 1960–1980-е гг. в стране формируются научные школы по финнистике, прежде всего в Петрозаводске и Ленинграде, выходит целый ряд качественных монографий, посвящённых истории Финляндии и российско/советско-финляндским отношениям, публикуются материалы советско-финляндских симпозиумов историков, регулярно проводившихся с 1966 г. Школы эти славились традициями внимательной работы с архивными источниками и хорошим знанием исследований зарубежных, прежде всего финляндских, историков. Правда, отечественная общая история Финляндии в отличие от выпущенных в 1970–1990-е гг. историй Швеции, Норвегии и Дании так и не была издана, хотя к её написанию приступали дважды — в 1960-е и 1980-е годы. Камнем преткновения (и поводом для закрытия проектов со стороны ЦК КПСС) была Советско-финляндская (Зимняя) война 1939–1940 гг. Лишь в 1990-е гг. плотина была прорвана, и с тех пор Зимняя война является одной из самых популярных тем в отечественной историографии.

Подробнее останавливаться на истории становления и развития исторической финнистики здесь смысла нет — существует множество историографических обзоров, освещающих изучение в России истории Скандинавских стран и Финляндии (нордистики, по определению А. С. Кана) в дореволюционное, советское и отчасти в постсоветское время⁴. Знакомясь с обзорами последнего

⁴ *Pohljokkin W. W.* The Development of Scandinavian Studies in Russia up to 1917 // *Scandinavica*. 1962. Vol. 1. P. 89–114; *Сюкияйнен П. П.* Работы карельских исследователей по вопросам истории Финляндии // Скандинавский сборник. Таллин, 1964. Вып. VIII. С. 397–405; *Pohljokkin W. W.* The Development of Scandinavian Studies in the USSR (1917–1965) // *Scandinavica*. 1966. Vol. 1. No. 1. P. 14–40; *Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР // Скандинавский сборник. Таллин, 1968. Вып. XIII. С. 11–34; Таллин, 1969. Вып. XIV. С. 11–20; *Šaskolski I. P.* Suomen historian tutkimus Leningradissa // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1969. Nr. 2; *Жигалов П. П.* Изучение в СССР истории скандинавских стран и Финляндии: анализ и перспективы // Новая и новейшая история. 1971. № 5. С. 39–45; *Шаскольский П. П.* Изучение истории скандинавских стран советскими учеными // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1976. С. 116–133; *Рогинский В. В.* Проблемы новой и новейшей истории скандинавских стран и Финляндии на страницах «Скандинавского сборника» // Новая и новейшая история. 1979. № 5. С. 162–169; *Власова М. Н.* О сотрудничестве советских и финляндских историков (1960–1980-е годы) // Северная Европа. Проблемы новейшей истории. М., 1988. С. 170–177; *Takala I.* Suomen historian tutkimusta Neuvosto-Karjalassa // *Punalippu*. 1988. № 3. S. 170–173; *Такала П. Р.* Русские немарксистские труды по истории Финляндии // Проблемы историографии всеобщей истории. Петрозаводск, 1991. С. 107–114; *Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика — первые итоги // Северная Европа. М., 2003. Вып. 4. С. 5–35; *Вихавайнен Т.* Сотрудничество финских и российских историков до и после Второй мировой войны. Проблемы и направления // Северная Европа. М., 2007. Вып. 6. С. 348–358; *Такала П. Р.* Преподавание и изучение истории стран Северной Европы в Петрозаводском государственном университете // Там же. С. 359–370; *Такала П. Р., Соломеч П. М.* «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 годов // Российская история. 2009. № 3. С. 66–72; *Такала П. Р.*

времени, мы обратили внимание на то, что некоторые из них заканчиваются оптимистичными выводами: в стране создана «прочная основа для продолжения изучения истории Североевропейского региона»⁵, а сложившиеся школы нордистики не только возрождаются, но и вступают «в новую стадию своего совершенствования»⁶. Нам захотелось посмотреть, есть ли в сегодняшней России молодое поколение финнистов, продолжающее традиции сложившихся в советское время научных школ? Какие исследовательские задачи ставятся сегодня, какие темы преобладают? И вообще есть ли в российском научном сообществе интерес к истории соседней страны?

Данные заметки лишь подступы к глубокому научному исследованию вопроса. Но даже первые подходы к теме приводят к отнюдь не оптимистичным выводам.

Нами были проанализированы две базы данных: Электронная библиотека диссертаций disserCat (<https://www.dissercat.com/>) и Национальная библиографическая база данных научного цитирования — электронная библиотека РИНЦ (<https://www.elibrary.ru/defaultx.asp>). Анализировались работы за 2000–2020 гг. Сразу отметим, что эти базы нельзя назвать исчерпывающими, ряд известных нам работ в них отсутствуют. Тем не менее найденный материал вполне адекватно, на наш взгляд, отражает ситуацию, складывающуюся в современной отечественной финнистике.

Основное внимание было уделено диссертационным работам, которые по праву следует считать одной из значимых форм представления новых научных знаний. К электронной библиотеке РИНЦ мы обращались для того, чтобы определить текущую аффилиацию автора диссертации и его публикационную активность после защиты.

В результате поиска по запросу «история Финляндии» в базе данных выпадает около 300 диссертаций. На самом деле, если исключить работы, где это словосочетание употребляется лишь эпизодически в контексте совсем другой темы, остаётся 84 работы (74 кандидатских и 10 докторских), в которых Финляндии

Специализация по истории стран Северной Европы ПетрГУ: итоги и перспективы // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа. Петрозаводск, 2012. С. 21–37; Барышников В. Н. Изучение истории Финляндии в Санкт-Петербурге — Ленинграде: XIX–XXI вв. // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время. Ишим, 2012. С. 44–55; Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 172–190; Веригин С. Г., Соломещ И. М., Такала И. Р. Нордистика в Карелии: итоги и перспективы (ПетрГУ) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 4 (58).

⁵ Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.). С. 187.

⁶ Барышников В. Н. Изучение истории Финляндии в Санкт-Петербурге — Ленинграде: XIX–XXI вв. С. 51.

уделяется значительное внимание. Из них только 47 (56%) защищены по направлению «Исторические науки и археология».

Другие научные направления диссертационных исследований представлены на рис. 1.

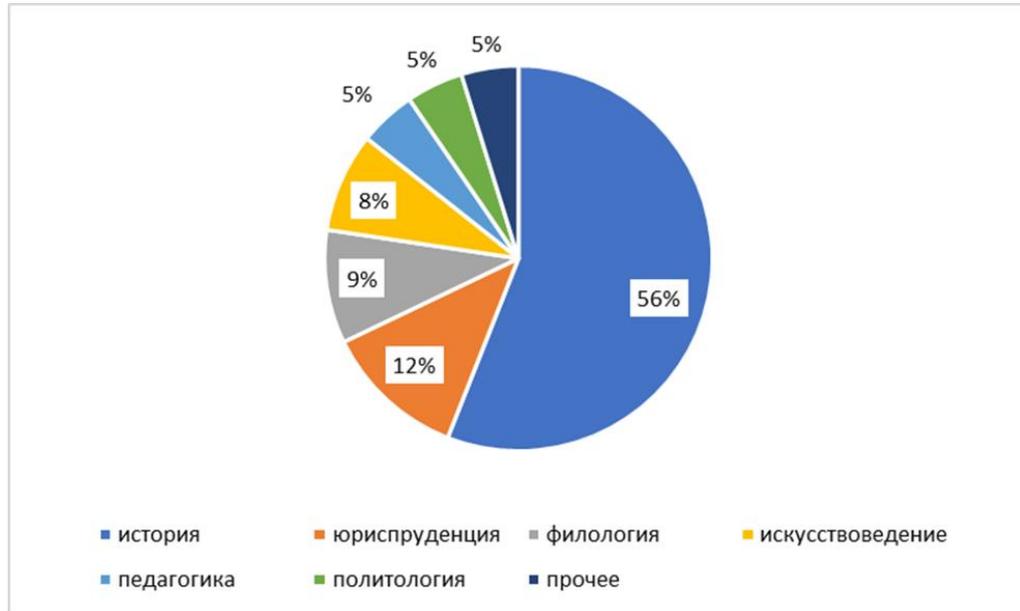

Рисунок 1.

Юристы чаще всего обращались к правовому положению Великого княжества Финляндии в составе Российской империи и современному национальному праву соседней страны. Из восьми диссертаций, защищённых филологами, семь кандидатских выполнены по специальности «Журналистика» и посвящены современным финляндским медиа, что позволяет нам говорить о сложившемся научном направлении на факультете журналистики МГУ под руководством проф. Е. Л. Вартановой. Основные темы семи искусствоведческих диссертаций — музыка, живопись и архитектура Финляндии XIX–XX вв. Три из них (одна кандидатская и две докторские) выполнены сотрудниками Петрозаводской государственной консерватории. Диссертации по педагогике, политологии, социологии, экономике и культурологии посвящены современной финляндской школе, политической системе и имиджу страны, социальной защите, внешнеэкономическим связям и финской православной церкви.

В целом распределение тематики 84 гуманитарных диссертаций представлено на рис. 2.

Следует отметить, что среди других гуманитарных направлений собственно Финляндии, её истории, культуре, современному состоянию посвящено гораздо больше работ, нежели у историков (76%). Среди работ историков абсолютно преобладают диссертации об отношениях между нашими странами (в основном в XX в.) и темы приграничья (89%).

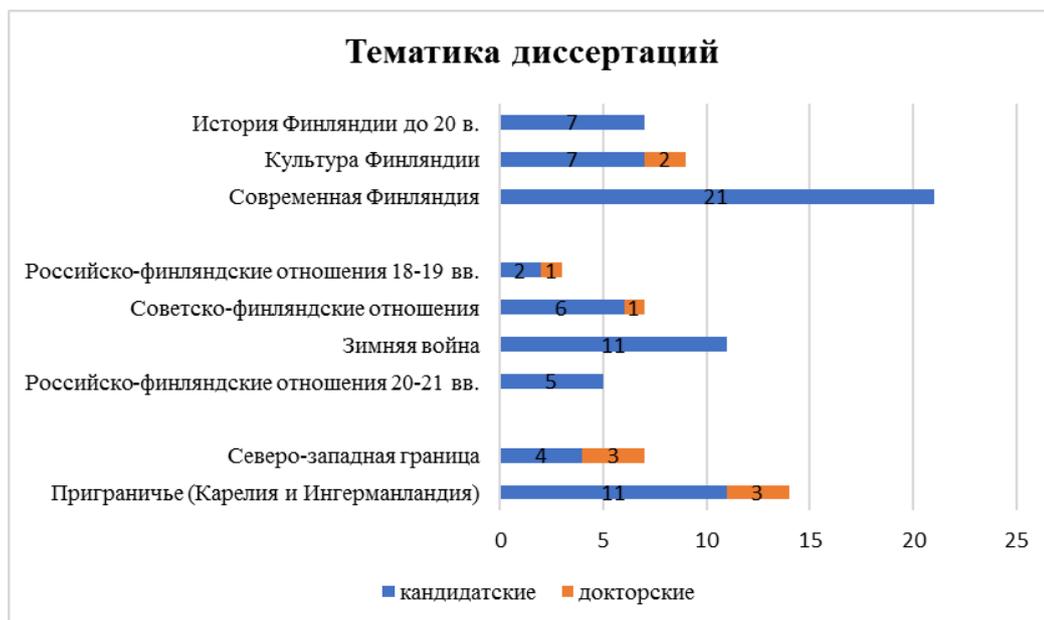

Рисунок 2.

Остановимся подробнее на диссертационных работах, выполненных по направлению «Исторические науки и археология». В 2000–2019 гг. (по 2020 г. база явно не полна, в ней присутствует лишь одна кандидатская диссертация) было защищено 46 диссертаций — 6 докторских и 40 кандидатских. Большая часть из них — почти 72% — были защищены по специальности 07.00.02 Отечественная история (см. рис. 3).

Рисунок 3.

Половина диссертационных работ выполнена в Санкт-Петербурге, ещё 20% в Петрозаводске (рис. 4). В московских вузах было защищено восемь диссертаций,

и по одной в университетах Ярославля, Рязани, Архангельска, Иваново, Казани и Сыктывкара.

Рисунок 4.

Статистика по учреждениям, где писались диссертации, даёт более детальную картину (рис. 5). Она со всей очевидностью демонстрирует приоритет вузов над академическими учреждениями. В институтах всеобщей и отечественной истории, в региональных научных центрах РАН за 20 лет не было защищено ни одной диссертации по истории Финляндии и российско-финляндским отношениям. Исключение составляет Санкт-Петербургский Институт истории РАН, где в 2002 и 2004 гг. было защищено две докторских диссертации (по ингерманландскому вопросу и советско-финляндским отношениям 1920–1930-х гг.).

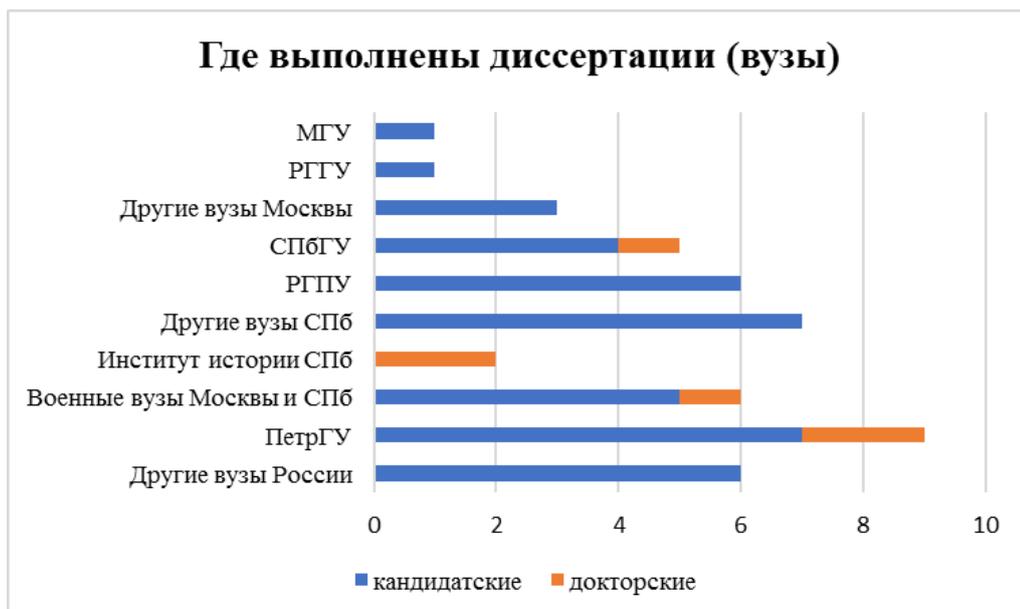

Рисунок 5.

Среди вузов несомненным лидером является Петрозаводский госуниверситет. Это не случайно, карельская школа финнистики всегда отличалась внимательным отношением к освоению языков страны изучения (финскому и шведскому), хорошими взаимообогащающими связями с коллегами из Финляндии. С гордостью можно отметить, что качество подготовленных в ПетрГУ диссертаций выгодно отличается от многих работ, выполненных в других вузах.

На качестве изученных диссертаций стоит остановиться чуть подробнее.

Как уже отмечалось, историков больше всего интересуют взаимоотношения между нашими странами в XX в. и проблемы приграничья (рис. 6).

Рисунок 6.

При этом целый ряд авторов диссертаций либо не знают финского языка и используют в своих работах лишь переводные исследования, либо просто крайне фрагментарно знакомы с работами зарубежных историков⁷. Особенно это относится

⁷ См.: *Страхова Н. В.* Становление и развитие советско-финляндских отношений, 1917–1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2003; *Жабоедов-Господарец В. П.* Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати: 1905 — февраль 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2016; *Горунович А. Н.* Российско-финляндские отношения в XX — начале XXI века: региональный аспект: на примере Республики Коми: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2011; *Левашко В. О.* Морально-политическое состояние личного состава Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финской войны: 1939–1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2000; *Лазарев А. В.* Советско-финляндская война 1939–1940 гг. и средства массовой информации Ленинграда: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2003; *Федотова Ж. Ю.* Политическое и военное противостояние СССР и Финляндии в 1939–1941 годах: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2009; *Чугунов М. В.* Советско-финские отношения в 1917–1947 гг.: политический и социальный аспекты: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2015; *Севериков В. В.* Эволюция взглядов К. Г. Маннергейма как политика и государственного деятеля Финляндии: 1918–1951: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2005.

к диссертантам-военным (офицеры погранвойск, ФСБ, военных вузов), в их работах ссылок на зарубежные исследования практически нет⁸.

Очень неровно выглядит и работа с архивными материалами: в ряде диссертаций ссылки на архивы носят эпизодический, декоративный характер, демонстрируя скорее неумение (нежелание?) автора работать с архивными документами, нежели стремление ввести в научный оборот что-то новое⁹.

Наконец, в очень многих диссертациях разделы о теоретической и методологической базе исследования носят чисто формальный характер, какая-либо методологическая рефлексия в большинстве работ практически отсутствует.

Следует, к сожалению, констатировать и то, что по истории и культуре Финляндии периодов Средневековья, Нового и Новейшего времени практически не защищено ни одной диссертации¹⁰. Из четырёх диссертаций, отнесённых нами к собственно истории Финляндии, три выполнены на достаточно высоком уровне работы исследуют лишь вопросы внешних контактов Великого княжества Финляндского, роль Валаамского монастыря в общественно-церковной жизни Финляндии первой половины XX в. и общественно-политическую жизнь Выборга в 1918–1928 гг.¹¹. Четвёртая диссертация «Эволюция взглядов К. Г. Маннергейма как политика и государственного деятеля Финляндии: 1918–1951», защищённая В. В. Севериковым в Московском государственном областном

⁸ См.: *Филиппов Э. М.* Пограничные войска на охране северо-западной границы: Этапы становления и развития, 1918–2000 гг.: дис. ... докт. ист. наук. СПб, 2000; *Аблаев Ю. М.* Государственная граница Северо-Запада России: История и современность: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2002; *Он же.* История становления и развития государственной границы на Северо-Западе Российской Федерации X–XX вв.: дис. ... докт. ист. наук. СПб, 2012; *Лабутин П. А.* Военно-политические приоритеты Советского государства на Северо-Западе России в 1918–1926 годах: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2004; *Лебедев Н. Н.* Северо-западная государственная граница России: организация ее охраны, исторические этапы становления и развития пограничных войск: 1918–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2008; *Безуглов С. А.* Опыт боевых действий частей и соединений ВВС Красной Армии в Советско-финляндской войне: 1939–1940: дис. ... канд. ист. наук. Моноино, 2009; *Куйтунен В. В.* Пограничные войска СССР в советско-финляндской войне, ноябрь 1939 — март 1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2002.

⁹ См.: *Жабоедов-Господарец В. П.* Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати; *Аблаев Ю. М.* Государственная граница Северо-Запада России; *Федотова Ж. Ю.* Политическое и военное противостояние СССР и Финляндии в 1939–1941 годах; *Севериков В. В.* Эволюция взглядов К. Г. Маннергейма как политика и государственного деятеля Финляндии.

¹⁰ Нам известно пока лишь одно исключение — кандидатская диссертация М. С. Поповой «Социально-экономический строй и религиозно-мифологические представления населения Финляндии в период раннего средневековья» (Саратов, 2016), выполненная в Воронежском госуниверситете. Но в базе disserCat она отсутствует и поэтому не включена в анализируемые данные. Есть и исключения другого рода. Так и не защитившийся бывший аспирант-филолог МГУ И. В. Макаров издал в 2007 г. очень неплохую монографию о Реформации в Финляндии (*Макаров И. В.* Очерки истории Реформации в Финляндии (1520–1620-е гг.): Формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской реформации. СПб., 2007).

¹¹ *Лемтияйнен А. Е.* Внешние контакты Великого Княжества Финляндского: 1809–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2007; *Шевченко Т. И.* Валаамский монастырь в общественно-церковной жизни Финляндии: 1917–1957: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2010; *Мошник Ю. П.* Общественно-политическая жизнь Выборга в 1918–1928 гг. в составе независимой Финляндии: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2012.

университете в 2005 г., вызывает массу вопросов, а список источников и литературы просто недоумение.

Слабость и неоригинальность многих проанализированных диссертационных работ, по всей видимости, можно объяснить тем, что мотивация их защищавших была обусловлена не научными интересами, а совсем другими соображениями. И это ещё одна, наряду с потерей профессионализма, беда современной исторической науки.

Обратившись к библиотеке РИНЦ, мы выяснили, что из 46 авторов рассмотренных работ 28 (почти 61%!) к теме Финляндии больше не возвращались, многие вообще не писали ничего после защиты. Это относится прежде всего к одиннадцати диссертантам-военным: после защиты продолжали публиковаться только двое из них. Относится это и ко всем защищавшимся в периферийных вузах (кроме ПетрГУ), а также в вузах Москвы: семь из восьми авторов московских диссертаций Финляндией больше не занимались.

Уход из науки защитившейся молодёжи обусловлен и отсутствием работы по специальности в результате «оптимизации» академической науки и вузов. Молодые кандидаты наук вынуждены работать либо в негуманитарных вузах, что возможно лишь в крупных городах, либо искать работу совсем в других сферах. Возвращения в профессию происходят очень редко, а существующие ещё пока в Санкт-Петербурге и Петрозаводске школы по изучению истории Финляндии практически не прирастают новыми кадрами.

Анализ диссертационной активности последних двадцати лет свидетельствует и о падении интереса к финляндской тематике в целом. Если в начале 2000-х было защищено 17 диссертаций, то за последние пять лет почти в два с половиной раза меньше (рис. 7). Стабильным остаётся лишь интерес к Финляндии в годы Второй мировой войны, но он сегодня подогревается скорее не научными поисками истины, а специфической государственной исторической политикой.

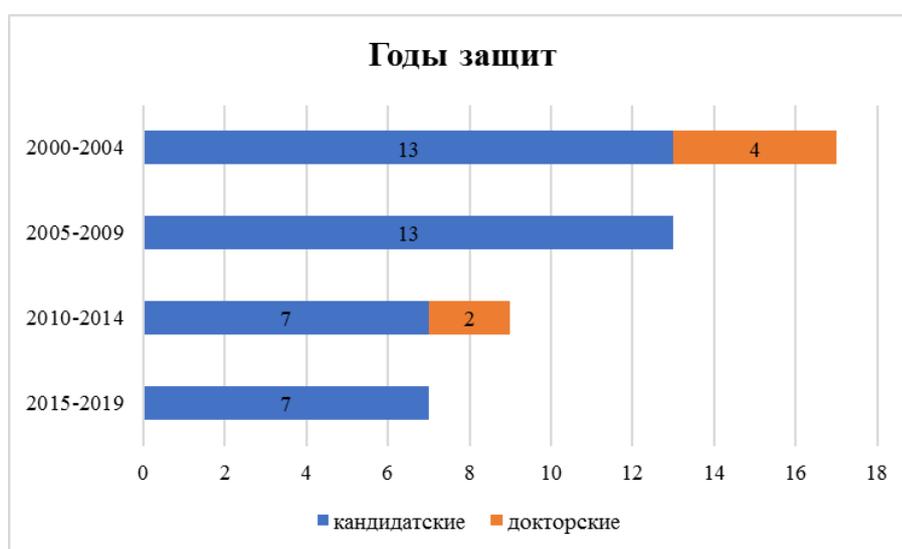

Рисунок 7.

В целом приходится с горечью констатировать, что сложившиеся в советское время школы по изучению истории Финляндии, так и не достигнув своего расцвета, сегодня теряют свои бывшие достоинства, не обновляются и постепенно угасают. Качественные отечественные монографии по истории, культуре Финляндии и российско-финляндским отношениям, выпущенные за последние 20 лет, можно пересчитать по пальцам. Плохое знание истории соседней страны приводит к неверным выводам в работах по российско-финляндским отношениям разных периодов. К тому же свято место, как известно, пусто не бывает: прежние профессиональные исследования всё больше замещаются поверхностными дилетантскими работами с не столько научными, сколько конъюнктурными политическими выводами¹². Это подтверждает и анализ статей по истории и культуре Финляндии, индексированных в РИНЦ, но их разбор — предмет для следующего разговора.

И. Р. Такала

¹² Из самых последних см., например: *Пыхалов И.* Финляндия: государство из царской пробирки. СПб., 2019; *Широкопад А. Б.* Блокада Ленинграда. Финский вектор. М., 2020.